

Е Наньцин ещё не успел отказать, как Е Наньмянь уже повёл его в сторону тренировочного поля. В руке у него оставался несъеденный пирожок.

— Эй, это называется принуждение, понимаешь? Чего ты торопишься? Я ещё не доел пирожок. Хоть бы дал мне закончить. Два взрослых мужика тащат друг друга за рукава — это не выглядит прилично. Не вздумай питать ко мне какие-то чувства.

Е Наньцин преувеличенно сказал это, неспешно откусывая кусочек пирога.

Е Наньмянь остановился и окинул Е Наньцина взглядом с ног до головы, заставив того почувствовать себя неловко. Е Наньцин поспешно замахал руками:

— Я ошибся, не смотри на меня так. А то я и правда начну думать, что ты что-то задумал. Мне страшно.

Он даже похлопал себя по груди, изображая испуг, словно был невинной жертвой, преследуемой злодеем.

Е Наньмянь презрительно посмотрел на него и спокойно сказал:

— На тебя? Ты не достоин.

Если только это не брат — эта мысль внезапно возникла в его голове, и он поспешно подавил её, грубо потянув Е Наньцина за рукав к тренировочному полю, предупредив:

— Хватит болтать. Пошли.

Е Наньцин, видя, что его лицо действительно мрачное, решил утешить себя: «Ничего, сейчас он, наверное, переживает из-за расставания. Как брат, я обязан помочь ему справиться с этим. Не буду с ним спорить». Он не хотел признавать, что просто не мог сбежать, поэтому шёл на всё.

— Ты мог бы пойти к Ян Яньюю. Он точно согласится драться.

Е Наньмянь бросил на него убийственный взгляд, и Е Наньцин поспешно замолчал:

— Ладно, пошли.

Перестав шутить, Е Наньцин высвободил рукав из руки Е Наньмяня, аккуратно расправил складки на одежде, смахнул несуществующую пыль и поправил воротник, выполняя всё это с лёгкостью и грацией.

Е Наньмянь презрительно посмотрел на него и продолжил идти.

На тренировочном поле Е Наньмянь выбрал большой меч, от чего сердце Е Наньцина ёкнуло. Он проклинал себя за то, что когда-то поставил этот меч здесь, чтобы похвастаться перед Е Наньмянем. Теперь он готов был дать себе пощёчину за эту глупость.

— Ты уверен, что хочешь использовать этот уродливый меч? У меня есть ещё несколько хороших. Может, посмотришь другие? — неуверенно спросил Е Наньцин.

Е Наньмянь кивнул:

— Да, ты прав.

Е Наньцин с облегчением кивнул, радуясь, что Е Наньмянь послушал его и не выбрал тот меч. Иначе ему пришлось бы несладко.

Е Наньмянь, казалось, был рождён для боевых искусств. В любой схватке он побеждал за несколько ударов, поэтому теперь никто не решался с ним драться. На уроках боевых искусств в Дворцовой школе только Ян Яньюй, одержимый боевыми искусствами, мог продержаться немного дольше. Остальные даже не осмеливались выйти против него.

Е Наньцин тоже не хотел с ним драться, но видел, что Е Наньмянь что-то подавляет, и решил, что как брат должен помочь. Однако он действительно не хотел получить взбучку!

— Этот меч выглядит уродливо, но удобно лежит в руке. Думаю, с ним будет приятно драться. Возьму его.

Е Наньмянь опустил голову, нежно погладив холодное лезвие, словно говорил что-то ласковое своей возлюбленной.

Е Наньцин:

— ...Что ты сказал?

Он уставился на Е Наньмяня с выражением обманутого человека, его лицо выражало шок и недоверие, а глаза полны обиды, которая, казалось, вот-вот вырвется наружу и обрушится на Е Наньмяня.

Е Наньмянь поднял глаза, и его взгляд, который только что был полон нежности, теперь устремился на Е Наньцина:

— У тебя сегодня проблемы со слухом?

Е Наньцин хотел парировать, как обычно, но быстро сообразил:

— Да, вероятно, из-за вчерашнего алкоголя у меня болит голова, и в ушах звенит. Боюсь, сегодня я не смогу тренироваться с тобой.

Ещё не закончив фразу, он увидел, как меч Е Наньмяня уже летит в его сторону. Е Наньцин едва успел уклониться, готовый выругаться. Какой наглец! Он даже не дал ему подготовиться. Он забрал свои слова назад — каким же он был глупцом, чтобы считать такого человека другом?

— Е Цюмин, я ещё не готов!

Но Е Наньмянь не слушал его болтовни. Сейчас ему нужно было выплеснуть эмоции, и Е Наньцин сам напросился. К тому же, с ним можно было драться без последствий, в отличие от других, которые могли потом жаловаться.

Е Наньцин, видя, что после его криков Е Наньмянь стал ещё яростнее, тоже начал серьёзно защищаться.

Они бились, и вскоре Е Наньцин начал выбиваться из сил, но продолжал сражаться, обливаясь потом.

С одной стороны, он хотел, чтобы Е Наньмянь выплеснул всю свою боль, с другой — это был шанс улучшить свои навыки. Хотя Е Наньмянь бил безжалостно, это давало Е Наньцину ценный опыт.

В конце концов, Е Наньцин сдался:

— Всё, больше не могу. Дерись сам.

Е Наньмянь не стал настаивать и продолжил тренироваться один. Его движения были настолько мощными, что казалось, он хочет разрушить весь мир. Ветер свистел от ударов его меча.

Он был как загнанный зверь, пытающийся разорвать небеса и землю, чтобы выплеснуть свою боль. Но, как бы он ни старался, мир оставался незыблемым, а его отчаяние, страх и тревога казались ничтожными перед лицом бесконечности.

Е Наньцин с ужасом наблюдал за этим, понимая, что в таком состоянии Е Наньмянь был практически непобедим.

Теперь ему стало ещё любопытнее: какая же девушка могла довести бесстрашного Е Наньмяня до такого состояния?

Е Наньмянь продолжал размахивать мечом, и Е Наньцин, не выдержав, попытался остановить его, но каждый раз получал удар мечом.

Брат — братом, но своя жизнь дороже.

Е Наньцин боялся привлекать внимание, чтобы слуги не разболтали о произошедшем, иначе это могло вызвать проблемы. В итоге он тихо позвал учителя боевых искусств из усадьбы, чтобы тот остановил Е Наньмяня.

К тому времени Е Наньмянь был уже полностью измотан. Пот струился по его лицу, а глаза были холодны и полны убийственного блеска. Он выглядел одиноким, мрачным, отчаявшимся и беспомощным, словно бог войны, но в то же время жалким. Е Наньцин почувствовал, как сердце его сжалось, а спина покрылась холодным потом.

Честно говоря, Е Наньцин никогда не думал, что Е Наньмянь окажется таким романтиком. Ведь Линъань-ван был известен своими любовными похождениями по всему Сюаньци. Кто бы мог подумать, что его сын окажется таким чувствительным?

Е Наньцин несколько раз хотел спросить, что случилось, но каждый раз, видя холодное и непреклонное лицо Е Наньмяня, останавливался. В конце концов, он решил ничего не спрашивать.

Е Наньцин знал Е Наньмяня: если тот захочет рассказать, то сделает это сам. Если же не захочет, никто не сможет заставить его открыться, даже его любимый брат.

Переодевшись, они медленно отправились в Дворцовую школу на повозке. К тому времени утренние занятия уже почти закончились. Увидев их, Тайфу разозлился, его усы затряслись, и он приказал им переписать «Тринадцать классических комментариев» десять раз.

Е Наньмянь спокойно принял наказание и сразу отправился выполнять задание.

Е Наньцин же выглядел совершенно разбитым, чувствуя себя обманутым. Он решил, что зря пожалел Е Наньмяня. Тот сейчас выглядел бодрым и полным энергии, а он, дурак, пошёл копировать книги.

Ян Яньюй с ехидной улыбкой смотрел на Е Наньцина, подмигивая и что-то беззвучно говоря.